

Копирование,
тиражирование и распространение
материалов, содержащихся в книге, допускается только
с письменного разрешения правообладателей.

✎ ITA GOTDARK ✎

Слезы князя сладше сахара

*Sugar
love*

Москва
2025

Мороз ударил резко, как всегда. Но, как и всегда, самые лютые стужи Зимогории не могли сравниться с холодом в моем сердце.

Слишком долго я мерзла от одиночества.

Единственными крохами тепла, которые я знала, были огонь в печи и мягкие шерстки козлят. Я старалась искать радость в простых и милых вещах, в рукоделии и красоте природы. Иногда мне это удавалось. Но все чаще я грезила, что однажды кто-то вдруг придет и заберет меня...

Напрасно я о таком мечтала.

Может, так я и накликала беду. Но с каждым днем все большее было сознавать, что сестры никогда не примут меня в свой круг. Их взгляды, полные безразличия, были тяжелее любой, даже самой трудной работы.

С годами становилось только хуже. Со мной заговаривали, только чтобы дать задание. Причем их все чаще выбирали нарочно с тем расчетом, чтобы я не справилась. Вот и сегодня вместо обычной воды из колодца требовали натаскать другой, из дальнего озера. Сестры прекрасно знали, что я не успею несколько раз добежать туда и обратно. И на особый вечер опоздаю.

Только раз в году монастырь открывался для прихожан. В другое время жители окрестных деревень могли

лишь оставить свои просьбы и пожертвования у входа. И вот сегодня им наконец разрешили пройти за ворота. На обряд, на редкое таинство. Мне так хотелось тоже поприсутствовать, понаблюдать хотя бы за подготовкой.

Я опустила ведро, и то глухо ударилось о тонкую корку льда. Сперва не хотело уходить на глубину, однако, как только глотнуло черной воды, ухнуло так, что чуть было не утянуло меня за собой. Не без усилия я вытащила его. Взялась за второе.

Пока руки были заняты, мысли снова и снова возвращались к обряду. Я бросила пустое ведро болтаться на поверхности озера и вытащила из-под одежды нателенный крестик. Сжала его в пальцах и спросила у Великой Матери: как мне поступить? Осмелиться ли отложить работу и бежать, чтобы взглянуть на вечер хоть краешком глаза?

Если да, то мне нужен был знак. Хоть какой, пусть даже самый маленький. Я зажмурилась и горячо поцеловала подвеску, затем снова спрятала. Замерла, затаив дыхание.

Увы, знака мне не дали. Не вспорхнула с голой ветки и не закричала длиннохвостая сорока. Резкий порыв ветра не свалил на меня снежную шапку с дерева. Лес остался молчаливым и безучастным.

Я вздохнула и зачерпнула воды, а когда вытащила ведро, то заметила что-то светлое, плавающее в нем. Уже хотела выбросить, решив, что это сор, но вдруг разглядела слегка завядший цветок. В такую-то пору? Теперь цветов было уже не встретить.

Его лепестки казались столь хрупкими, что было страшно дотронуться до них. Сердце сладко заныло в груди. Наклонившись к воде, я поискала другие цветы, но больше ни одного не нашла. Этот явно был особенным.

Может, это и был мой знак?.. Я поднялась с колен и схватилась за ведро.

Когда я добралась до церкви, уже стемнело. Я не осмелилась выйти вперед и притаилась за старой березой.

Обряд вот-вот должен был начаться: деревенские уже собрались во дворе, и храм, пропитанный годами молитв и свечной копотью, готовился распахнуть свои двери.

Другие девушки толпились у крыльца, заметно волнуясь. Этим вечером одной из послушниц предстояло стать настоящей монахиней. Я тоже была послушницей, но...

— Зачем пришла? Твоя очередь никогда не настанет.

Я вздрогнула и только тогда заметила рядом двух закадычных подружек, сестер Аетию и Симеону. Они подошли незаметно и застали меня врасплох. Возможно, предвидели, что я осмелюсь прийти, и искали нарочно.

Любимицы монастыря, сегодня они стали соперницами. Выбрать, скорее всего, должны были одну из них. Из-за этого обе явно нервничали и потому даже между собой держались отстраненно.

— Обоих вас тоже выбрать не смогут, — еле слышно ответила я, скользя взором по темной полоске леса, обрамляющей землю обители. Я уже пожалела, что пришла, и отчаянно хотела убраться куда-нибудь подальше.

— Даже если не сегодня, значит, в следующий раз, — заявила Симеона. — А ты всегда будешь прятаться в своей келье и тихо плакать.

Она словно прочла мои мысли, и это больно кольнуло меня.

— И поправь уже, наконец, свой платок, — скривилась Аетия. — Опять твои космы русые торчат.

Она дернула меня за выбившуюся прядь у лица.

Ох. Наверно, пока я бежала, узел платка ослаб, а коса растрепалась. Я торопливо убрала непослушные волосы за уши и поправила ткань, чувствуя себя неловко, словно выставленная напоказ.

— Бесполезные старания. — Симеона возвела к небу надменный взгляд. — Все равно у нее весь подрысник грязный. То пыль, то щепки, то сено, то козья шерсть. Что нам теперь, ее еще и отряхивать?

Мои щеки запылали от стыда. Сестры всегда смотрелись образцово в своих простых, но чистеньких подрысниках. Если бы я только и делала, что молилась и пела в хоре, мой выглядел бы точно так же...

Резкий звон колокола ударил по ушам. Двери храма распахнулись, и на черное от времени крыльцо вышла игуменья, наша матушка-настоятельница.

Матушка... Только в шутку я могла назвать таким ласковым словом эту женщину. Но больше мне некого было так называть. Никто из нас, даже Симеона и Аетия, не знал родных матерей. У ворот монастыря часто оставляли ненужных детей. Конечно же, девочек. Так что монастырь Святых Яслей стал нашей общей колыбелью.

У меня против воли вырвалась горькая усмешка.

Деревенские тут же стали кланяться, причитать: «Благословите, матушка!» Они сразу узнали ее, хотя настоятельница отличалась только высоким головным убором. Ее лицо, как и у всех остальных монахинь, всегда было завешено непроницаемым покрывалом.

Та, кого выбирали для посвящения, тоже должна была закрыть свое лицо. Обряд раз и навсегда забирал ее из мира, лишал внешности и личности. Оставлял только приглушенный голос из-под тяжелых складок ткани. Несмотря на это, каждая из нас мечтала о том дне, когда ее простой подрысник сменится на величественные ризы монахини.

Из-за покрывала невозможно было понять, куда смотрела настоятельница, но по моей спине пробежали мурашки. Я испугалась, что она могла заметить меня. Не следовало стоять здесь и мозолить ей глаза.

Потому что общая нелюбовь ко мне пошла из-за нее. Другие только повторяли. Вот только почему игуменья возненавидела меня?..

Симеона прошипела, словно змейка:

— Теперь тебя накажут.

Мне подумалось: как и всегда. Вся моя жизнь была бесконечной чередой наказаний. Разве можно быть настолько виноватой?

Настоятельница подняла узловатый палец, призывая к тишине. В воздухе повисло ожидание. Наконец она объявила, низко и властно:

— Мы выбрали ту, кто войдет в наш круг. Сестра Симеона, подойди сюда.

Среди девушек пробежал шепоток. Я не обернулась и не посмотрела на Симеону, потому что не хотела видеть ее торжества. Однако, проходя мимо, она нарочно задела меня плечом. Достаточно сильно, чтобы я пошатнулась. И конечно, она сделала вид, что даже не заметила этого, пока шла к ступеням с высоко поднятой головой.

Так и знала, что этим все и кончится. Особенный вечер для них — но не для меня. Для меня — обычные насмешки и издевательства. В груди поднялась волна обиды, что-то застучало в ушах. Хотелось ответить, хотелось сказать ей что-то резкое, но роптать было нельзя. Я спрятала дрожащие руки в складках подрясника, и задубевшая ткань неприятно уколола пальцы.

Я сказала себе: неважно, Мирия. Забудь. Это просто Симеона, она такая. Ты тысячу раз сносила тычки, так что же вдруг изменилось сейчас?

Не знаю... Может, дело было в том цветке? Я ведь даже взяла его с собой, спрятала на удачу. Но, глядя вслед Симеоне, я поняла, что никакой это не знак. Глупо было надеяться хоть на что-то. Сколько бы воды

я ни перетаскала, сколько бы ни вынесла грубых слов, никогда не бывать мне монахиней, не надеть покрывала.

Мне захотелось избавиться от цветка как от свидетельства, что судьба вновь надала на мои незаживающие раны. Но глупая, неубиваемая надежда все еще жила в душе, и рука не поднялась...

Тем временем настоятельница жестом пригласила прихожан следовать за ней. Толпа безмолвно устремилась в храм. Деревенские были странными — угрюмыми и мрачными, — и нам запрещалось с ними разговаривать.

Оставшихся послушниц матушка отослала:

— Возвращайтесь в кельи. И помолитесь за сестру.

Еще недавно полные чаяний девушки неохотно покинули двор. Наверное, все они в этот момент чувствовали себя совсем как я. Никто из них не хотел просто работать, и, конечно, никто не хотел сидеть за полупустым столом в монастырской трапезной. Все хотели пересесть за отдельный, богатый стол, где по обе стороны от настоятельницы заседали настоящие монахини.

Даже Аетия, фыркнув, ушла. Я осталась одна. Ранняя ночь уже накрыла двор, сжав мир до клочка под тускло горящими окнами храма. Я все глядела на эти окна с узорчатыми решетками и не могла отвести глаз.

Я думала о том, что Симеона уже никому никогда не расскажет о таинстве, когда пересядет за стол к настоятельнице. Но я была полна решимости выяснить все сама. Должна была узнать, чего лишена.

Собравшись с духом, я осторожно поднялась по ступеням и аккуратно приотворила тяжелую дверь, за которой таились запахи воска и ладана.

Деревянный храм был полон крестьян, лица которых блестели от свечных огней. Симеона стояла в центре, на возвышении, окруженная старшими сестрами. Те держали концы закрывающего девушку

покрывала — открытой оставалась только нижняя половина ее лица.

Меня отвлекла настоятельница, которая звучно обратилась к прихожанам:

— Братья и сестры, мы собрались для священного таинства. Сегодня Симеона примет на себя все ваши болезни и страдания. Она станет сосудом, в который перелются ваши недуги, чтобы вернуть здоровье и счастье вашим домам.

Мои глаза распахнулись, а тело ослабло. Я прислонилась к дверному косяку, чтобы не упасть.

— После обряда Симеона будет навсегда завешена покрывалом, чтобы вид ее болезней не внушал никому ни сожаления, ни страха.

Значит, уродства, отметины недугов, язвы... Вот что все остальные монахини скрывали под своими плотными тканями... Вот почему все они были так слабы, что занимались только книгами и нашим воспитанием. Больным, им было просто не под силу монастырское хозяйство.

Я не могла перестать смотреть на Симеону. Я пока еще помнила ее глаза и представила плещущийся в них страх. Ее губы задрожали, и мне вдруг стало так жаль ее. Она, как и я, впервые узнала настоящую суть обряда.

Но... Все их болезни? Так ведь сказала настоятельница? Вот только прихожан собралось слишком много... Слишком много для нее одной!

— Не бойтесь и не жалейте ее, — продолжила игуменья. — Так вы сделаете ее подобной ангелу. Через это проходят все монахини. Так велит нам Великая Мать.

К моему ужасу, обряд продолжился. Симеона просто не могла сбежать, а мне ничем нельзя было ей помочь. Прихожане по очереди подходили к ней и наклонялись, подставляя лбы к ее губам. Симеоне приходилось целовать их, будто благословляя.

От этого зрелища мне стало дурно. К горлу подступила кислая тошнота. Я сделала шаг назад. Еще шаг. Ноги сами понесли меня прочь, подальше от Симеоны и от обряда. Я выскочила из храма, и ветер тут же ударил меня в лицо, приводя в сознание.

Ужас, который сжал мое сердце, уступил место другому, постыдному чувству — облегчению. Не я была избрана. Не на меня надели покрывало. Не меня заставили стать вместилищем для чужих страданий.

Может, зря я столько жаловалась?..

Но едва я смогла отдышаться, как на заснеженный двор вдруг въехали несколько всадников.

Я охнула, потому что прежде не видела таких мужчин, только стариков и маленьких мальчиков. Чужаки были одеты в дорогие тяжелые плащи. На поясе у каждого висело по мечу. Замерзшие травы хрустели под копытами их мощных лошадей. Мужчины были воинственными. Пугающими. И явно торопились куда-то.

Первый всадник, высокий и широкоплечий, лихо спрыгнул с коня и бросил поводья другому. Он почти не замедлился, уверенным шагом направившись к крыльцу. Наши взгляды могли бы встретиться, но он не удостоил меня вниманием. Длинный темный плащ взметнулся за ним, когда незнакомец взлетел по ступеням храма и вошел внутрь. Другие всадники поднялись следом и, будто стража, встали по бокам.

Внутри храма вдруг началось какое-то движение. А я все не двигалась, точно приросла к земле. И только когда в дверях показался головной убор настоятельницы, я, опомнившись, спряталась за глухим заборчиком крыльца.

— Далеко вы забрались от Чарстения... Но пришли не в самый подходящий час, — сказала игуменья не без тревоги. — Что Князю потребовалось от нашего скромного дальнего монастыря?

Князю?.. Я окончательно растерялась. Я выглянула, не в силах сдержаться. Предводитель всадников достал свиток с печатью и молча протянул его настоятельнице. Печать на бумаге действительно походила на герб, достойный княжеского рода. По напряженно-прямой осанке обычно согбенной игуменьи я поняла: тут что-то не так.

Она вскрыла свиток, медленно, словно не желая узнавать, что там.

— Что за новшество? — ее голос разрезал воздух. — Отдать вам ту, кого избрали?!

Мужчина кивнул.

— Нет, — коротко бросила настоятельница, едва скрывая гнев. — Симеона принадлежит монастырю, она уже прошла обряд. Вы опоздали.

— Без девушки мы к Князю не вернемся, — заспорил мужчина.

Настоятельница горько, устало вздохнула.

— Тогда забирайте другую послушницу. Мирию. Она послужит ему верой и правдой.

Я зажала рот ладонями. Что?.. Она так легко отдаст меня? Впрочем, кто бы сомневался.

На мою удачу, чужак не собирался соглашаться:

— Зачем нам какая-то девка, которую вы сами сочли недостойной избрания? — сказал он низко, с насмешкой, с какой-то удалой хрипотцой. — Князю нужна та самая. Мы приехали за настоящей монахиней.

— Берите Мирию, я вам говорю, — голос игуменьи едва заметно сломался. — От сердца отрываю. Она мне не только по вере, но и по крови родная. Она дочь моя.

Двор храма вокруг меня словно пошатнулся. Я задохнулась от невероятных, невозможных слов. Матушка-настоятельница не могла быть моей матерью. Меня, как и всех остальных, подкинули к воротам монастыря.

— Как так? — голос мужчины прозвучал озадаченно. — Вы ведь должны были остаться нетронутой.

Неужели человек Князя так открыто грубил настоятельнице?..

— И осталась, — голос игуменьи сорвался на странное, почти утробное рычание, как будто она пыталась скрыть слишком великую боль. — Она передалась мне во время обряда. Вместе с недугами прихожан. Я носила ее в себе, как любую другую болезнь. И выносила, и родила.

Мои ноги подкосились. Я передалась ей, как болезнь?.. Она меня родила?..

— Но если она рождена от скверны, значит, хворает сама, — настаивал мужчина. — Князю такая не нужна.

— Найдите ее. Вы убедитесь, что она весьма здорова. И очень стремится к обряду.

— Молитесь, чтобы она ему угодила, матушка.

Мои пальцы невольно провели по крестике под одеждой. Я смотрела на мужчин, словно они были самой судьбой.

Вот и ворвался в мою жизнь тот самый кто-то. Сам не пришел, зато прислал людей, чтобы забрали меня с собой.

Не так я себе это представляла.

Люди Князя меня пугали: темные, лощенные, как вороны, и такие же неприветливые, с пустыми взглядами.

Мысли о путешествии с незнакомцами обострили страх — нас всегда учили бояться их, прятаться от их внимания. Даже если приказ Князя защищал меня, все равно это было жутко... и неправильно. Страшно было даже представлять, каково это — оказаться среди них совсем одной, без сестер.

Мне так хотелось спрятаться, забиться в дальний уголок и хорошенько подумать обо всем. О собственной судьбе, о том, что стало с Симеоной, и о словах настоятельницы. Все это было чересчур... Но куда мне было податься?

Первой мыслью было укрыться среди скота. Упасть на подстилку из сена, обнять моих козочек, зарыться носом в их мягкую шерстку. Но настоятельница наверняка бы об этом догадалась и подсказала искать меня там в самую первую очередь. И в собственную келью я тоже не могла вернуться: это место осмотрели бы сразу после.

В чужие кельи проситься не имело смысла: другие послушницы немедленно выдали бы меня. Отроковицы могли помочь, но поставить под удар детей я бы не смогла.